

Прихожан А.М. Роль детско-родительских отношений в становлении тревожности как личностного образования

English version: [Prikhozhan A.M. Child-parental relations and their role in formation of anxiousness as personal feature](#)

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

На выборках детей 5–17 лет и их родителей изучалась связь между тревожностью и общим эмоциональным самочувствием родителей, содержанием их страхов и тревог и характеристиками страхов и тревожности детей. Обнаружилось, что родители тревожных детей испытывают страхи и опасения чаще и переживают их более интенсивно, чем родители эмоционально благополучных. Установлено, что тревожные дети чувствуют себя в семье значительно менее уверенно, чем нетревожные, семья не дает им переживания межличностной надежности, защищенности. Обосновывается гипотеза о связи тревожности и потребности в межличностной надежности, защищенности.

Ключевые слова: тревожность, детско-родительские отношения, страхи, эмоциональное самочувствие, защищенность

Настоящая работа посвящена проблемам связи особенностей детско-родительских отношений и наличия у детей тревожности как устойчивого личностного образования. Личностная тревожность – устойчивое переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятия, с предчувствием грозящей опасности в объективно нейтральных, не содержащих для индивида угрозы ситуациях.

Вопрос о причинах личностной тревожности принадлежит к числу наиболее значимых, наиболее изучаемых и вместе с тем наиболее спорных.

Значение детско-родительских отношений в возникновении и закреплении тревожности признается сегодня многими исследователями и за рубежом, и в нашей стране. И психологи, и врачи нередко придерживаются мнения, что тревожность передается ребенку от напряженной, тревожной матери и/или возникает вследствие неуверенности ребенка в родительской любви и поддержке [Захаров, 2000; Раттер, 1987; Салливан, 1999; Вуд, Мак-Леод 2003; Вуд, Пицентини, 2006; Купер, 2006].

Известный психоаналитик К.Хорни дает очень яркую картину такого искаженного отношения к ребенку: «...я назвала базальной тревожностью, подразумевая под этим переживаемые ребенком чувства одиночества и беспомощности в потенциально враждебном мире. Это чувство незащищенности может породить у ребенка широкий диапазон неблагоприятных факторов: явное или скрытое доминирование, безразличие, сумасбродное поведение, отсутствие уважения к потенциальным потребностям ребенка, отсутствие реального руководства, пренебрежительное отношение, чрезмерное восхищение или его полное отсутствие, недостаток доверительности и теплоты, необходимость принимать чью-либо сторону при разногласиях родителей, слишком малая или чрезмерная ответственность, излишняя опека, изоляция от других детей, несправедливость,

дискриминация, невыполнение обещаний, враждебная атмосфера и так далее и тому подобное» [Хорни, 1997, с. 36].

Таким образом, детско-родительские отношения, прежде всего взаимоотношений «мать-ребенок», выделяются в настоящее время в качестве центральной, «базовой» причины тревожности едва ли не всеми исследователями данной проблемы, практически независимо от того, к какому психологическому направлению они принадлежат.

Вместе с тем необходимо отметить, что это представление является, по сути, конкретизацией применительно к тревожности общего положения о роли детско-родительских отношений в развитии ребенка, и в частности – в возникновении эмоциональных нарушений и неврозов. Существует достаточно мало сведений о тех факторах детско-родительских отношений, семейного воспитания, которые являются специфическими с точки зрения возникновения у детей устойчивой тревожности. Можно назвать, пожалуй, лишь выделенный Б.Н.Филлипсом фактор несоответствия детей престижным устремлениям родителей, выделенный в качестве значимого для тревожности младших школьников. Именно это, согласно данным автора, делает детей особенно чувствительными к двум основным источникам стресса, содержащимся в самой системе школьного обучения: первый – это особенности социального взаимодействия, а второй – ориентация на соперничество и соревнование [Phillips, 1978].

Все сказанное ставит задачу конкретизации общих представлений о влиянии семейных характеристик на тревожность детей разных возрастов, что требует прежде всего изучения связи между различными факторами детско-родительских отношений и тревожностью.

Первый вопрос, который нас в этой связи интересовал, касался связи между неблагополучием в семье и наличием у детей тревожности. С этой целью мы проанализировали тревожность детей с различными видами семейного неблагополучия в дошкольном, младшем школьном и подростковом возрастах (5–17 лет). Результаты подтвердили литературные данные, при этом не выявилось одного какого-либо вида нарушения, диапазон их чрезвычайно широк и включает по сути все возможные виды нарушений в отношениях взрослых к ребенку – от гипо- до гиперопеки, от повышенных ожиданий и требований, которым ребенок не может соответствовать до полного попустительства, а также нарушения взаимоотношений взрослых между собой, – родителей, родителей и прародителей и др., а также взрослых со старшими детьми. Не было также обнаружено прямой связи между тревожностью и воспитанием ребенка в неполной семье, и здесь оказались значимыми перечисленные выше факторы. В старшем подростковом и юношеском возрастах эти характеристики оказываются опосредованными особенностями «Я-концепции» школьника, его отношения к себе, ценностных ориентаций и т.п. Эти результаты согласуются с литературными данными о влиянии особенностей отношения родителей на формирование отношения подростка к себе.

Для детального анализа этой проблемы мы сочли необходимым, прежде всего, проанализировать взаимосвязь тревожности детей и тревожности родителей. В этой части работы участвовали дошкольники, а также учащиеся 2–10 классов и их родители.

Результаты показали наличие прямой устойчивой связи тревожности детей и родителей для детей всех рассмотренных возрастных групп. Исключение составил лишь ранний юношеский возраст, где такой связи не обнаружено. По отношению к детям дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов наши результаты соответствуют литературным данным о том, что эмоциональные трудности и проблемы чаще встречаются у тех детей, родители которых характеризуются личностными нарушениями, склонностью к неврозоподобным состояниям, депрессии и т.п. [Раттер, 1987].

Однако само по себе установление вышеуказанной связи не позволяет понять, каким образом связаны тревожность детей и родителей. Так, согласно данным М.Раттера, определенную роль в

этой связи может играть генетически передаваемый родителями биологический фактор повышенной ранимости. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором, что в тех случаях, когда речь «идет о социальном поведении, то здесь роль генетического компонента довольно незначительна, и представляется маловероятным, что наследственность определяет в этих случаях связь подобных расстройств в поведении детей с нарушениями личности у взрослых, хотя нет сомнений в том, что в редких случаях такое явление может иметь место» [Раттер, 1987, с. 212–213]. Отметим, что автор имеет в виду преимущественно заболевания, или нарушения, близкие к ним. Тем более сказанное можно отнести к устойчивой тревожности как личностной особенности, характеризующей практически здоровых людей. Гораздо более вероятным представляется влияние тревожности родителей на тревожность детей через подражание, воздействие на условия жизни ребенка (например, ограничение контактов со сверстниками, чрезмерная опека и т.п.), на что указывает и М.Раттер.

Далее мы рассмотрели связь эмоционального самочувствия родителей и наличия у детей младшего школьного и подросткового возрастов устойчивой тревожности.

Результаты показали, что самооценка эмоционального самочувствия родителей тревожных и эмоционально благополучных детей существенно различается. Если родители тревожных детей почти в 60% случаев характеризуют свое состояние как раздраженное, унылое и безрадостное, то родители эмоционально спокойных детей, напротив, более чем в 70% случаев определяют свое обычное самочувствие, как спокойное, уравновешенное или радостное.

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве наиболее частотного ответа у родителей тревожных детей выделяется чувство раздражения. Этот момент, на наш взгляд, чрезвычайно важен, поскольку при общении с раздраженным взрослым, тем более особо значимым для него, ребенок испытывает острый дискомфорт, в основе которого – чувство вины. Причем причину этой вины ребенок чаще всего понять не может. Подобное переживание ведет, как показывают многочисленные литературные источники (Д.Бернс, К.Изард, Ф.Перлз и др.) к глубинной, «безобъектной» тревожности. Во-вторых, полученные результаты указывают, что родители тревожных детей испытывают страхи и опасения чаще и большей интенсивности, чем родители эмоционально благополучных, что еще раз подтверждает результаты, полученные с помощью шкалы Дж.Тейлор.

Конечно, эту самооценку нельзя полностью отождествлять с реальными переживаниями, однако она, на наш взгляд, очень показательна, поскольку именно самооценка часто проявляется в общении взрослого с детьми, в его рассказах, жалобах, требованиях к детям и т.п.

Кроме того, мы попросили родителей оценить частоту и интенсивность переживания ими страхов, опасений. Обнаружилось, что родители тревожных детей испытывают страхи и опасения чаще и переживают их более интенсивно, чем родители эмоционально благополучных.

Рассмотрим теперь данные о том, как соотносятся страхи детей и родителей по содержанию (табл. 1). Необходимо отметить, что представленные ниже данные относительно содержания страхов родителей не являются показательными с точки зрения изучения содержания страхов взрослых людей, поскольку, во-первых, работа проводилась с весьма ограниченной выборкой – родители учащихся начальной школы, в подавляющем большинстве – женщины; во-вторых, она проходила в школе, и была как бы изначально ориентирована на актуализацию переживаний, связанных с ребенком; в-третьих, в ней использовался перечень страхов, собранный в ходе предварительных опытов на аналогичной выборке.

Таблица 1

Содержание страхов тревожных детей и их родителей

Содержание страхов, опасений (кол-во испытуемых в %)
--

Родители		Дети	
Боязнь, что с ребенком что-нибудь случится (болезнь, травма, насилие и др.)	100	Боязнь, что с родителями что-нибудь случится	92,3
Боязнь смерти ребенка	87,1	Боязнь смерти родителей	89,7
Боязнь болезней, смертей, несчастий с другими близкими людьми	71,7	Боязнь болезней, смертей, несчастий, которые могут случиться с прауродителями и другими близкими людьми	61,5
Боязнь своей несостоятельности как родителя	69,2	Боязнь не соответствовать ожиданиям родителей, оказаться недостаточно умным, смелым, хуже, чем другие)	58,9
<i>Боязнь будущего, неуверенность в завтрашнем дне</i>			
Боязнь отсутствия денег	56,4	Боязнь отсутствия денег	30,7
Боязнь оказаться в глазах ребенка некомпетентным, недостаточно умным и т.п. человеком, передать ребенку «по наследству» свои проблемы, трудности	55,2	Боязнь доставить родителям неприятности, расстроить их	56,4
Боязнь катастроф, катаклизмов, войны, «конца света»	53,8	Боязнь катастроф, катаклизмов, войны, «конца света»	61,5
Боязнь умереть, оставить ребенка сиротой	48,7	Боязнь собственной смерти	79,4
Боязнь одиночества (духовного)	38,4	Боязнь одиночества (физического)	65,3

Данные таблицы демонстрируют высокую согласованность содержания тревог и страхов детей и родителей. Все это, очевидно, является формой выражения на семейном, микросоциальном уровне происходящих макросоциальных изменений. Переживание нестабильности окружающего мира, предчувствие постоянной угрозы (т.е. тревоги в собственном смысле слова) со стороны взрослых транслируется ребенку взрослыми, причем оно аффективно насыщено гиперзаботой о его жизни и здоровье. Это создает у него чувство незащитности, неуверенности, развивает и подкрепляет тревожность по закону заколдованного психологического круга. Данные лонгитюдного исследования, о котором говорилось выше, свидетельствуют, что у многих из участвовавших в этом опыте детей (47%) тревожность сохранилась на протяжении младшего школьного – подросткового возрастов (3–7 классы).

Полученные данные свидетельствуют, таким образом, что тревожные дети растут в семьях, в которых по крайней мере один из взрослых испытывает эмоциональное неблагополучие. Клинический анализ случаев показал также, что матери тревожных детей делятся как бы на три группы: (а) очень активные, сильные, стремящиеся полностью «выстраивать» и контролировать жизнь ребенка и всей семьи; (б) ригидные; (в) беспомощно-пассивные. Причем во всех этих группах процент тревожных взрослых достаточно высок.

Обратимся теперь к данным о том, как тревожные дети и подростки воспринимают свою семью и отношение к ним родителей. Для анализа этого вопроса в дошкольном и младшем школьном возрастах мы воспользовались методикой «Лесенка» В.Г.Щур. Методика направлена на выявление отношения ребенка к себе и его представления об отношении к нему других людей. Использовалась семиступенчатая «лесенка». Помимо самооценки, ребенок должен был оценить себя с позиции мамы, а также еще одного взрослого по собственному выбору. В этой части работы участвовали дети 5–8 лет (33 дошкольника, и 46 учеников 1–2 классов). И в той, и в другой группе результаты подтвердили имеющиеся в литературе данные о том, что в ожидаемой оценке дети проявляют большую критичность, чем в самооценке. Различия проявились в другом: тревожные дети достоверно чаще, чем их нетревожные сверстники, испытывали затруднения в ответе на вопрос о предполагаемой оценке мамы, считая, что это во многом зависит от того, как он будет себя вести, а

также от маминого настроения и самочувствия (56,2% против 12,5%).

Еще более показательным, на наш взгляд, явился выбор взрослого, который оценил бы ребенка (по его собственному выбору). Как и следовало ожидать, большинство детей и в той, и в другой группе выбрали близких родственников. Однако если эмоционально благополучные дошкольники и младшие школьники выбирали в основном тех, кто оценивал их так же, как мама, или выше, то у тревожных – преобладали взрослые, относящиеся, по мнению детей, к ним еще более критично, чем мама. Таких ожидаемых оценок в этой группе достоверно больше – 71,9%, в то время как в группе эмоционально благополучных – 15,6%.

Таким образом, данные по этой пробе указывают на то, что тревожные дети чувствуют себя в семье значительно менее уверенно, чем нетревожные, семья не дает им переживания межличностной надежности, защищенности, особенно важного для детей этого возраста.

В подростковом и раннем юношеском возрастах для изучения характера отношения детей к родителям и связанных с ними переживаний мы воспользовались детским вариантом теста незаконченных предложений Б.Форера.

Рассмотрим данные по каждой из родительских фигур. В характеристике матери наиболее значимы и в группе эмоционально благополучных, и в группе тревожных испытуемых такие позитивные качества, как «принимаящая», «заботливая». На них в обеих группах указывают более 65% испытуемых.

Данные показали, что тревожным подростком мать чаще воспринимается как принимающая, заботливая, но одновременно ненадежная и доминантная, а отец – как требовательный, принимающий, но, так же как и мать, – ненадежный и доминантный. Эмоционально благополучный школьник в основном воспринимает мать как принимающую, заботливую и сочувствующую, а отца как принимающего, заботливого, но требовательного.

Таким образом, родители в восприятии тревожных подростков отличаются непредсказуемостью и доминантностью, а также более слабой, по сравнению с их эмоционально благополучными сверстниками, выраженностью принятия и заботы со стороны отца.

Эти результаты интересным образом сочетаются с характеристиками переживаний, связанных у подростка с отцом и матерью.

Данные свидетельствуют, что по отношению к матери и в той и в другой группе ярко выраженными оказываются позитивные переживания: «принятие» и «сочувствие». В группе эмоционально благополучных школьников к этому добавляется также чувство защищенности, уверенности в том, что мама всегда поможет, поддержит, поймет. Это переживание оказывается значительно менее выраженным у тревожных школьников, у которых значительную представленность имеют такие чувства, как зависимость и вина. Интересно, что чувство тревоги по отношению к матери, хотя и выражено в большей степени, чем в группе эмоционально благополучных, но существенно уступает чувству вины. Переживания, связанные с отцом, характеризуются преимущественно ярко выраженным неблагополучием. В группе тревожных много подростков, которые говорят, что испытывают чувство вины перед отцом (отметим, что это переживание в таких случаях тесно переплетается с темой наказания). Обращает на себя внимание то, что как по отношению к матери, так и по отношению к отцу в группе тревожных выражен неопределенный характер переживаний.

На основании полученных данных можно, таким образом, сделать вывод о том, что тревожные школьники в большей степени, чем их эмоционально благополучные сверстники, фиксируются на негативных характеристиках родителей и своего отношения к ним. В этой группе также более конфликтной оказывается фигура отца.

Обобщая данные, касающиеся влияния особенностей детско-родительских отношений на тревожность детей, можно сказать, что возникновению и закреплению тревожности способствует, с одной стороны, все, что нарушает чувство защищенности ребенка в семье, а с другой – все, что ограничивает социальный опыт ребенка, заставляя его всецело ориентироваться на семью.

Ситуация в семье, отношения с близкими взрослыми провоцируют переживание ребенком постоянных психологических микротравм и порождают состояние аффективной напряженности и беспокойства, носящее реактивный характер. Ребенок постоянно чувствует незащищенность, отсутствие опоры в близком окружении и потому – беспомощность. Такие дети ранимы, повышено сензитивны к предполагаемой обиде, обостренно реагируют на отношение к ним окружающих. Все это, а также то, что они запоминают преимущественно негативные события, ведет к накоплению отрицательного эмоционального опыта, который постоянно увеличивается по закону «замкнутого психологического круга» и находит свое выражение в относительно устойчивом переживании тревожности.

Таким образом, тревожность возникает вследствие фрустрации потребности в надежности, защищенности со стороны ближайшего окружения и отражает неудовлетворенность именно этой потребности, которую можно рассматривать в этом возрасте как ведущую.

С предпубертативного возраста тревожность все более опосредуется особенностями «Я-концепции», носящей противоречивый, конфликтный характер. В свою очередь тревожность, становясь своеобразным психологическим барьером на пути достижения успеха и субъективного его восприятия, углубляет и усиливает этот конфликт. На потребностном уровне он приобретает характер противоречия между аффективно заряженным стремлением к удовлетворяющему отношению к себе, успеху, достижению цели, с одной стороны, и боязнью изменить привычное отношение к себе – с другой. Возникающие в результате такого конфликта затруднения в восприятии успеха и сомнения даже в реальных достижениях еще более увеличивает отрицательный эмоциональный опыт. Поэтому тревожность все более закрепляется, приобретает стабильные формы реализации в поведении, регуляции, компенсации или способах защиты, и становится устойчивым личностным свойством, имеющим собственную побудительную силу.

Литература

Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. СПб., 2000.

Раттер М. Помощь трудным детям. М., 1987.

Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. М.; СПб., 1999.

Хорни К. Наши внутренние конфликты: собр. соч.: в 3 т. М., 1997. Т. 3.

Cooper P.J. et al. Affective disorders in the parents of anxious children // *Journal of Affective Disorders*. 2006. Vol. 93(1–3). P. 205–212.

Phillips B.N. School stress and anxiety. N.Y., 1978.

Wood J.J., McLeod B.D. et al. Parenting and childhood anxiety: Theory, empirical findings and future directions // *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Discipline*. 2003. Vol. 44, N 1. P. 134–15.

Wood J.J., Piacentini J.C. Family cognitive behavioral therapy for child anxiety disorders // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2006. Vol. 45, N 3. P. 314–321.

[Сведения об авторе](#)

Прихожан Анна Михайловна. Доктор психологических наук, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия.

[Ссылка для цитирования](#)

Прихожан А.М. Роль детско-родительских отношений в становлении тревожности как личностного образования [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)